

РОДНАЯ РѢЧЬ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

№ 13.

→ Воскресенье, 7-го апрѣля. ←

1902 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой на годъ 3 руб., на 8 мѣс.
2 руб., на полгода 1 р. 50 к., на 4 мѣсяца 1 руб.,
Отдѣльный номеръ—10 коп. За перемѣну адреса
выписывается 25 коп.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА:

Москва, Рождественка, Варсонофьевскій п., д. № 4.

Открыта съ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

за строку непрерывно въ одной столбцѣ: въ журналѣ
60 к., въ газетѣ 30 к.
За приложеніе отдѣльных объявленій выписывается по
10 руб. съ тысячи экземпляровъ.

➡ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902-й ГОДЪ. ➡

Новый театральный вздоръ.

Въ залѣ собранія въ С.-Петербургѣ, въ пользу труда интеллигентныхъ женщинъ, поставленъ новый невообразимый вздоръ, которымъ такъ усердно мутать и безъ того обитымъ съ толку и спутаннымъ головамъ. Это произведение новаго, конечно, мрачнаго автора, нѣжка, котораго сравниваютъ съ Чеховымъ. Сознанаютъ по всѣмъ точкамъ Шиндлера, Шиндлера и Чехова.

Шиндлера у насъ знали по его недолгой трилогіи— „Парадилья“, „Подруга жизни“ и „Зеленый попугай“. Недавно вышла въ свѣтъ его новал „тетралогія“, состоявшая изъ четырехъ одноактныхъ пьесъ „Живые часы“, „Женщина съ кинжаломъ“, „Последній маскарадъ“ и „Литература“. Новинка эта привезла и близнецовъ въ недоумѣніе. Что за новый видъ творчества? Если во всѣхъ частяхъ тетралогіи одни действующія лица, почему она не просто четырехактная драма? Если каждая изъ нихъ самостоятельна, — почему это не четыре пьесы? Это совершенно разрозненныя пьески, не связанныя никакою определенною идеей. Почему автору изумалось сплести вмѣстѣ четыре, а не три пьески? При чемъ тутъ „живые часы“? Во всѣхъ пьескахъ, очевидно, не случайность служителя искусства, поэты, художники, беллетристы...

Первая половина тетралогіи— „Живые часы“ и „Женщина съ кинжаломъ“. Старикъ терзаетъ молодую женщину, съ которою его связывала любовь-дружба и которая сама ускорила свою смерть, чтобы дать возможность снова расцвѣсти вдохновенію своего сына поэта (!) поглощенного заботой объ ея болѣзни (!). Во второй пьесѣ жена художника изъ картинной галлерей ведетъ изображеніе женщины съ кинжаломъ. „Это твоя жена!“ — говоритъ ей влюбленный изъ нее поэтъ. Она соглашается, — это ея глаза. Она задыхается, и въ ея ужѣ встаетъ что-то нѣжкое прямую связь съ картиной, съ этой „женщиной съ кинжаломъ“. Видь, — это я. Вы меня не узнаете? Это—я, я. А вотъ изъ тѣхъ убитый юноша—это вы. Развѣ вы не помните! Снова

темишетъ. Звонить колоколъ. Когда снова всматриваетъ электричество, зритель видитъ мастерскую художника. Только что прошла ночь любви. Она безмятежна. „Поглядите—ужъ събѣзаетъ“... Является мужъ. Счастливымъ любовникомъ требуетъ, чтобы онъ убилъ его. Мужъ отказывается. „Или своимъ путемъ. Я дерзъ открыть“. Тогда жена беретъ кинжалъ, закалываетъ своего любовника и поднимаетъ руку съ кинжаломъ, какъ на картинѣ. Снова гаснетъ электричество, и когда опять загорается, — передъ зрителемъ та же картинная галлерей. Оба любовника въ прежнихъ костюмахъ передъ изображеніемъ „женщины съ кинжаломъ“. Она словно просыпается отъ сна и обѣщаетъ исполнить выраженное ей требованіе любовника явиться къ нему. „Я явлю!“ Завантъсь. Если всѣ эти Гаутимановскіе „Бре-ке-ке-ке“ и Шиндлеровско-Чеховскіе кинжалы и пошліе зеленые попугаи—не сумасшедшій домъ, то что же это такое?..